

УДК 343.23

**ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ
У ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ
ОБ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?**

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, rozhnov@volsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации о праве суда изменять категорию совершенного преступления.

При анализе ч. 6 ст. 15 данного кодекса недопустимой видится постановка в один ряд в качестве однопорядковых таких условий изменения категории, как фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности. Нелогичным представляется и то, что после назначения наказания суд возвращается к обсуждению возможности переоценки фактора (категория преступления), который ранее уже был учтен при выборе меры воздействия к правонарушителю.

Замечается, что на снижение степени общественной опасности преступления при изменении его категории и при назначении наказания по правилам ст. 64 Уголовного кодекса Российской Федерации влияют фактически одни и те же обстоятельства, характеризующие преступление, что также свидетельствует о надуманности анализируемых положений.

Высказывается предложение об исключении ч. 6 ст. 15 из рассматриваемого кодекса с переносом отдельных ее положений в ст. 64, согласно которому категория преступления должна изменяться автоматически в некоторых случаях назначения наказания при наличии исключительных обстоятельств, резко снижающих степень общественной опасности содеянного.

Ключевые слова: исключительные обстоятельства, индивидуализация ответственности, категория преступления, назначение наказания, смягчающие наказание обстоятельства, степень общественной опасности, фактические обстоятельства преступления

Для цитирования: Рожнов А. П. Есть ли будущее у положений Уголовного кодекса России об изменении категории преступления? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 182—193.

**IS THERE A FUTURE FOR THE PROVISIONS
OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE
CONCERNING CHANGING THE CATEGORY OF CRIME?**

Alexey Petrovich Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russia, rozhnov@volsu.ru

Abstract. The article deals with the provisions of the acting Criminal Code of the Russian Federation regarding the court's right to change the category of the crime committed.

When analyzing part 6 of article 15 of this Code, it appears unacceptable to equate the factual circumstances of the crime and its degree of public danger as comparable factors for changing its category. It also appears illogical that after imposing a punishment the court returns to discussing the possibility of reassessing a factor (the category of the crime) that has been previously taken into account when choosing a sanction for the offender.

It is noted that the reduction of the degree of public danger of the crime when changing its category and when imposing a punishment under article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation is influenced by essentially the same circumstances characterizing the crime, which also demonstrates the artificiality of the provisions under analysis.

A proposal is made to exclude part 6 of article 15 from the Code under analysis and transfer certain of its provisions into article 64, according to which the category of the crime should be changed automatically in certain cases of imposing a punishment in the presence of exclusive circumstances significantly reducing the degree of public danger of the crime.

Keywords: exclusive circumstances, individualization of responsibility, category of crime, imposing a punishment, mitigating circumstances, degree of public danger, factual circumstances of the crime

For citation: Rozhnov A. P. Is there a future for the provisions of the Russian Criminal Code concerning changing the category of crime? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 182—193, 2026. (In Russ.).

*Светлой памяти выдающегося российского ученого,
профессора Льва Леонидовича Кругликова*

В 2011 г. действующий Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) был дополнен ч. 6 ст. 15, наделившей суд при назначении наказания абсолютно новым, не имевшим до этого аналогов правом изменять категорию совершенного преступления¹. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, целью предусматриваемых в нем новелл (включая изменение категории) была «дальнейшая гуманизация уголовного законодательства»². Помимо этого самого общего соображения, иные мотивы надления суда правом изменять категорию совершенного преступления в пояснительной записке не приводились.

Мало сказать, насколько спорным оказался новый инструмент индивидуализации уголовной ответственности, получивший практически единодушное осуждение представителей отраслевой науки [1, с. 55; 2; 3, с. 76—95; 4]. Не повторяя (по возможности) уже высказанные научной общественностью мнения, хотелось бы вновь обратить внимание как на дефекты анализируемых положений, так и на перспективу их сохранения в действующем УК РФ.

При ознакомлении с ч. 6 ст. 15 УК РФ сразу обращает на себя внимание очевидно неудачная формулировка критериев, приложение которых к конкретному случаю назначения наказания совершившему преступление лицу, по замыслу правотворца, должно позволить суду оценить необходимость изменения категории преступления в сторону ее смягчения. О важности же четкого фор-

мулирования этих критериев в уголовном законе говорит включение в число обязательных вопросов, всегда обсуждаемых судом при постановлении приговора, вопроса о том, «имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» (п. 6.1 ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ))³.

Текст анализируемой нормы начинается со слов «С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности...», из чего следует вывод о наличии как минимум двух критериев, которые должен учесть суд при обсуждении вопроса об изменении категории преступления — это, во-первых, «фактические обстоятельства преступления» и, во-вторых, «степень его общественной опасности». Причем, судя по употребленным при конструировании ч. 6 ст. 15 УК РФ языковым средствам (перечисление подлежащих учету для изменения категории преступления факторов, соединительный союз «и»), эти критерии мыслились законотворцем как равнозначные и самостоятельные: суд для изменения категории преступления должен учесть и фактические обстоятельства преступления, и (отдельно!) степень его общественной опасности. Однако так ли это?

Несомненно, в ч. 6 ст. 15 УК РФ речь идет об индивидуальной (конкретной) степени общественной опасности, потому что типовая ее степень определяется законодателем, а в ч. 6 ст. 15 УК РФ упомянут инструмент индивидуализации ответственности, которым наделяется суд (например: «...суд вправе...»).

В свою очередь, абзацем четвертым п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами

¹ Здесь и далее, если специально не оговорено иное, доступ к упоминаемым в настоящей статье нормативным правовым актам, постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, судебным актам, принятым по конкретным делам, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Законопроект № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5> (дата обращения: 03.05.2025).

³ Соответствующие дополнения в УПК РФ были внесены синхронно с дополнением УК РФ ч. 6 ст. 15 одним и тем же Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.

Российской Федерации уголовного наказания» индивидуальная степень общественной опасности преступления определяется «в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)».

Следовательно, конкретные (или фактические) обстоятельства содеянного, представляющие собой объективные признаки конкретного преступления (характер и количественные характеристики нарушенного блага и наступивших последствий, способ совершения преступления и др.), являются измерителями его индивидуальной (конкретной) общественной опасности. Отсюда упомянутые в ч. 6 ст. 15 УК РФ «фактические обстоятельства преступления» определяют его конкретную (индивидуальную) опасность. Поэтому фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности совсем не равнозначны в смысле своего влияния на вопросы индивидуализации уголовной ответственности (включая и изменение категории преступления), поскольку находятся друг с другом в отношении соподчинения и зависимости: одно (конкретное преступление, обстоятельства, его характеризующие) определяет другое (степень общественной опасности конкретного преступного деяния), а затем уже это «другое» позволяет суду приспособить выраженную в уголовно-правовой норме волю законодателя к конкретному случаю, определив вид и меру уголовной ответственности, тем самым индивидуализировав ее [5, с. 68].

Второе замечание редакционного плана, которое способно дезориентировать суд по вопросу о факторах, влияющих на изменение категории преступления, — чрезвычайная широта термина «фактические обстоятельства дела». Данное понятие является традиционным для текста уголовного закона и достаточно часто (в виде различных синонимичных модификаций) используется в Общей части УК РФ преимущественно при регламентации вопросов индивидуализации уголовной ответственности и наказания: ч. 1 ст. 6: «...*обстоятельства его совершения...*», п. «а» ч. 1 ст. 58: «...*С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного...*», ч. 1.1. ст. 63: «...*в зависимости от... обстоятельств его совершения...*», ст. 63.1: «...*иные существенные обстоятельства совершения преступления...*» и др.

Эти обстоятельства можно подразделить на две большие группы, выделив: а) обстоятельства преступления, указанные в уголовном законе и проявившиеся особым образом в конкретном преступлении, влияющие на оценку его тяжести и, тем самым, на вопросы индивидуализации ответственности — речь идет об объективных признаках состава преступления, специфически, неповторимо проявившихся в конкретном деянии; б) обстоятельства преступления, которые в уголовном законе не указаны. Данное деление можно продолжить. Например, обстоятельства второй группы могут быть подразделены на те, которые влияют на измерение тяжести содеянного в ту или иную сторону (на существенное увеличение или уменьшение степени его индивидуальной опасности), а также на те, которые не имеют никакого уголовно-правового значения, но могут играть роль при раскрытии, расследовании преступления, при изучении причин и условий его совершения и др. Едва ли последняя группа обстоятельств совершения преступления может иметь какую-либо связь с индивидуализацией ответственности и с использованием предусмотренных для нее в уголовном законе средств.

И если, по логике закона, упомянутые в ч. 6 ст. 15 УК РФ фактические обстоятельства являются самостоятельным критерием изменения категории преступления, подлежащим учету наряду с индивидуальной степенью общественной опасности совершенного преступления (союз «и», который связывает в тексте нормы два этих критерия, не позволяет размышлять иначе), то получается, что влиять на изменение категории могут и те обстоятельства преступления, которые тяжесть преступления не определяют, «безразличны» ей. Однако данный формально правильный вывод, безусловно, неверен по существу, что также свидетельствует об определенной ущербности анализируемого правового средства индивидуализации ответственности.

Однако гораздо более серьезным недостатком анализируемых положений, помимо отмеченных выше «редакционных» шероховатостей, является и тот странный алгоритм переоценки категории преступления, который описан в ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Как следует из ч. 6 ст. 15 УК РФ, суд вправе изменить категорию преступления при одновременном наличии следующих условий:

а) фактические обстоятельства преступления сигнализируют о существенном снижении степени его общественной опасности;

б) суд за совершенное преступление назначает наказание, которое не должно превышать: для преступления средней тяжести — трех лет лишения свободы (или другое более мягкое наказание), для тяжких преступлений — пяти лет лишения свободы (или другое более мягкое наказание), для особо тяжких преступлений — семи лет лишения свободы. Данные категории приводятся так, как они определены законодателем применительно к инкриминированному осужденному деянию, т. е. до их возможного изменения судом в финале процесса индивидуализации уголовной ответственности;

в) наличие смягчающих наказание обстоятельств;

г) отсутствие отягчающих обстоятельств.

Приведенный механизм изменения категории в сторону ее смягчения не может не вызывать ряда вопросов.

Процесс назначения наказания не носит произвольный характер, а также подробно урегулирован в законе. Самым первым этапом выбора оптимальных вида и меры наказания для правонарушителя является применение общих начал назначения наказания, предусмотренных в ч. 1, 3 ст. 60 УК РФ. При этом ту часть общих начал, которая изложена в ч. 3 ст. 60 УК РФ, принято в науке именовать «критериями общих начал назначения наказания» [6, с. 57].

К одному из критериев назначения наказания, которые суд должен учесть для воплощения принципа справедливости при выборе оптимальной меры воздействия на правонарушителя, ч. 3 ст. 60 УК РФ относит характер и степень общественной опасности преступления.

Пленум Верховного Суда РФ в абзаце третьем п. 1 своего постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 указывает, что «характер общественной опасности совершенного преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред». Однако все же более точным является доктринальное понимание характера общественной опасности преступления. Именно в этом измерителе общественной опасности отражается качественная сторона преступного деяния, ее некая постоянная составляющая, присущая всем преступлениям этого же рода. Отсюда, как указывает Л. Л. Кругликов, «характер общественной

опасности определяется принадлежностью деяния к тому или иному роду преступления и выражается законодателем с помощью элементов (признаков) состава преступления» [7, с. 244]. Совершенно очевидно, что принадлежность деяния к преступлению определенного рода определяется теми его признаками, которые характерны для всех преступлений, составляющих этот род преступных деяний, и повторяются при совершении его как менее, так и более опасных разновидностей: например, признаки так называемого простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) повторяются и в любом его квалифицированном виде (ч. 2 ст. 105 УК РФ), и в любом убийстве, являющемся относительно менее опасным по сравнению с «простым» (ст. 106—108 УК РФ). Данные признаки образуют основной состав преступления. Именно они и определяют законодательно характер общественной опасности преступления [8, с. 10].

Сложнее определиться с тем, о какой степени общественной опасности идет речь в ч. 3 ст. 60 УК РФ. Судя по действующим руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, посвященным вопросам назначения наказания, может создаться неверное впечатление, что законодатель (в понимании его воли, отраженной в постановлении № 58 от 22 декабря 2015 г.) подразумевает исключительно конкретную (индивидуальную) степень общественной опасности содеянного как фактор безусловного влияния на назначаемое преступнику наказание. И действительно, именно на такое понимание степени общественной опасности ориентирует приведенное выше содержание абзаца четвертого п. 1 постановления. Однако так ли это?

Думается, отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда РФ упоминания типовой степени общественной опасности и, как следствие, разъяснения содержания этого понятия — это явный недостаток данного акта толкования уголовного закона. Однако отсутствие разъяснений Верховного Суда РФ еще не свидетельствует о том, что, указывая среди критериев назначения справедливого наказания «степень общественной опасности», законодатель имел в виду только одно ее проявление, определяемое признаками конкретного преступления, или «реальным значением обстоятельств дела» [9, с. 50], и измеряемое судом в процессе индивидуализации наказания. Типовая степень общественной опасности, как отмечают разработчики современной теории дифференциации уголовной ответственности, выражается квалифицирующими либо привилеги-

рующими признаками, которые отражают «количественное изменение общественной опасности в сравнении с основным составом преступления, причем это изменение не выходит за рамки качественной определенности преступления, “безразлично” ей (квалифицированная кража не перестает быть кражей и не превращается в разбой)» [9, с. 50].

Как указано самим законодателем, характер и степень общественной опасности в силу ст. 15 УК РФ являются основанием деления всех преступлений на четыре категории: небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Практически во всех обвинительных приговорах суд при обсуждении выбора им конкретного вида и меры наказания декларирует учет им категории совершенного преступления. Следовательно, именно эта типовая тяжесть преступления (в терминологии действующего УК РФ не совсем удачно поименованная «категорией преступления»), определяемая законом в зависимости от характера и типовой степени его общественной опасности, побуждает суд сначала определить вид наказания, которое должно быть назначено преступнику: безусловно, приоритет при выборе будет отдан наиболее строгим мерам воздействия при назначении наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; в случае же совершения преступлений небольшой и средней тяжести суд, по общему правилу, будет ориентироваться на назначение наказаний, альтернативных лишению свободы.

Наиболее показательную роль типовой тяжести преступления как одного из критериев назначения наказания проявляет при назначении наказаний за преступления, санкции которых сконструированы в УК РФ как альтернативные. И именно при применении таких санкций выбор судом основного наказания (пока без конкретизации его меры) в немалой степени предопределяется характером и типовой степенью общественной опасности содеянного — теми факторами, которые законодательно распределяют преступления по четырем группам в зависимости от их типовой тяжести, именуемой в действующем законе категориями.

Таким образом, при применении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ возникает парадоксальная ситуация: до обсуждения вопроса об изменении категории суд должен назначить наказание, учтя законодательное отнесение совершенного преступления к определенной категории, а уже после завершения процесса индивидуализации наказания (приспособления меры воздействия к конкретному деянию и личности конкретного правонарушителя) — фактически переоценить типовую тяжесть содеян-

ного, изменив категорию совершенного преступления в сторону ее смягчения, при наличии указанных в ч. 6 ст. 15 УК РФ условий.

Видимо, для того чтобы суды не были дезориентированы таким механизмом переоценки законодательного определения тяжести содеянного, Пленум Верховного Суда РФ в абзаце первом п. 8 постановления от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» специально подчеркнул: «Судам следует иметь в виду, что изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям части 6 статьи 15 УК РФ». Таким образом, Верховный Суд РФ еще раз подчеркнул, что понимание механизма изменения категории преступления в процессе назначения наказания, которое требует сначала назначить наказание и учесть при этом законодательно определенную категорию (тяжесть) совершенного преступления, а затем, по сути, на основании тех же факторов, повлиявших на назначенное наказание, изменить эту категорию, — это не какой-то редакционный недочет нормы, а именно реальная и ясно выраженная в тексте УК РФ мысль законодателя.

Однако возможно ли такое в принципе?! Когда следствие (назначенное наказание) становится причиной (условием) изменения своей причины (типовой степени общественной опасности)? С точки зрения логики и здравого смысла подобная ситуация как минимум странна.

Весьма странными выглядят и такие условия изменения категории совершенного преступления, как наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств.

Судя по содержанию ч. 6 ст. 15 УК РФ, идея законодателя при введении соответствующей нормы заключалась в предоставлении правоприменителю еще одного индивидуализирующего наказания средства, общим основанием применения которого является резкий перепад (снижение) степени общественной опасности конкретного преступления по сравнению с его законодательно измеренной тяжестью. Судить об изменении данной конкретной степени общественной опасности возможно не иначе как по обстоятельствам преступления, проявившимся в момент его совершения. Однако все ли обстоятельства, ныне собранные в ст. 61, 63

УК РФ, характеризуют степень общественной опасности преступления?

Безусловно, нет. Как было отмечено Л. Л. Кругликовым на примере регламентации данных обстоятельств в ст. 38, 39 утратившего силу УК РСФСР 1960 г., условно все обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ст. 61, 63 действующего УК РФ), можно разделить на следующие группы:

1) обстоятельства, проявившиеся в преступлении, — это такие указанные в ст. 61, 63 УК РФ обстоятельства, которые «представляют собой фрагменты преступления, проявились в содеянном, оказывают влияние на степень общественной опасности преступления и личности виновного, снижая или повышая ее» [10, с. 35];

2) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении:

2.1) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении, но связанные с ним и влияющие на общественную опасность личности виновного в сторону ее снижения;

2.2) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении, не связанные с ним:

а) свидетельствующие о резком снижении степени общественной опасности личности виновного, понимаемой как способность совершения ею новых преступлений;

б) никак не влияющие на общественную опасность личности, но учитываемые при назначении наказания в качестве смягчающих по гуманным соображениям [10, с. 36, 37].

Таким образом, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, очень разнообразны, и те из них, которые оказывают влияние в первую очередь на степень общественной опасности содеянного (и через это уже на общественную опасность личности виновного), не исчерпывают всего их многообразия.

Анализируя данные обстоятельства в свете их влияния на вопросы назначения наказания, измерения общественной опасности преступления и личности преступника, хоть как-то можно объяснить наличие в ч. 6 ст. 15 УК РФ требования об отсутствии отягчающих обстоятельств. Судя по их современному перечню в ч. 1 ст. 63 УК РФ, данные обстоятельства характеризуют содеянное и личность преступника в момент совершения преступления. Отсюда возможное наличие каких-то «фактических обстоятельств преступления», снижающих его общественную опасность, уравновешивается наличием отягчающего обстоятельства и, тем самым, не позволяет выйти за законодательные

пределы оценки тяжести совершенного преступления, изменить его категорию. Однако при чем здесь требование о наличии хотя бы одного смягчающего обстоятельства? Само по себе наличие данного обстоятельства может быть, во-первых, не связано с совершенным преступлением, а во-вторых, нейтрально по отношению к индивидуальной степени общественной опасности содеянного (например, наличие у преступника в прошлом значительных заслуг перед государством и обществом, наличие у него же на содержании нетрудоспособных иждивенцев и др.). Логичнее было бы сопроводить нормоположения ч. 6 ст. 15 УК РФ требованием о наличии смягчающих обстоятельств, которые проявились непосредственно в совершенном преступлении и существенно повлияли на степень его общественной опасности, что хоть каким-то образом увязывалось бы с заложенной в ч. 6 ст. 15 УК РФ идеей о существенном снижении степени общественной опасности конкретного преступления, оказывающем влияние на оценку его законодательно определенной тяжести. Однако такой конкретизации вида смягчающих обстоятельств, как одного из условий изменения категории преступления, в ч. 6 ст. 15 УК РФ нет, равно как и отсутствуют разъяснения понимания их вида и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10, согласно п. 3 которого смягчающее обстоятельство может быть любым, в том числе и таким, которое не предусмотрено в ч. 1 ст. 61 УК РФ, а определено судом в данном качестве на основании предоставленных ему в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ дискреционных полномочий, и которое не оказывает никакого влияния на степень общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего.

И совсем уже непреодолимые трудности, на наш взгляд, возникают при отграничении обстоятельств, являющихся условиями изменения категории преступления по описанному в ч. 6 ст. 15 УК РФ алгоритму, от тех обстоятельств, которые уголовный закон именует «исключительными». Данные обстоятельства в общем виде определены в ч. 1 ст. 64 УК РФ. Критерием отнесения к ним выступают цели и мотивы преступления, роль виновного, его поведение во время или после совершения преступления и другие обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, а равно активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления. Таким образом, из ч. 1 ст. 64 УК РФ следует, что исключительность этих обстоятельств состоит в том, что они сигнализируют о существ-

венном, резком, разительном уменьшении степени общественной опасности содеянного и / или личности преступника [11, с. 7], которая становится «ниже того уровня, из которого исходил законодатель при определении санкции за совершение соответствующего преступления» [12, с. 24]. Именно такое уменьшение и дает основание суду для назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или для назначения более мягкого вида наказания, чем предусмотрено этой статьей, или для неприменения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного.

Как видно из сопоставления обстоятельств, регламентированных ч. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 64 УК РФ, общим для них является их влияние на снижение степени общественной опасности деяния и / или личности субъекта, совершившего это деяние. Не случайно Конституционный Суд РФ в одном из своих определений упоминает данные обстоятельства в общей группе правовых средств индивидуализации уголовно-правового воздействия, что указывает на их единую правовую природу, и куда, помимо обстоятельств из ч. 6 ст. 15, ч. 1 ст. 64 УК РФ, также включаются нормы о малозначительности совершенного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и об условном осуждении (ст. 73 УК РФ)¹.

Данные обстоятельства соотносятся между собой как род (ч. 1 ст. 64 УК РФ) и вид (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Согласно ч. 1 ст. 64 УК РФ, к исключительным относятся: а) обстоятельства, проявившиеся в содеянном и влияющие на существенное уменьшение общественной опасности конкретного преступления и совершившего его лица (цель, мотивы, роль виновного при совершении преступления в соучастии, в целом поведение преступника); б) позитивное постпреступное поведение, указывающее на резкое снижение степени общественной опасности личности виновного и состоящее в связи с совершенным преступлением (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, предотвращение более тяжких последствий, заглаживание причиненного вреда [12, с. 10—11]); в) обстоя-

тельства, проявившиеся после совершения преступления и даже вне контроля со стороны виновного и в отсутствие какой-либо связи с ранее совершенным преступлением, но которые указывают на фактическую невозможность совершения виновным аналогичного или других преступлений и тем самым свидетельствуют о существенном уменьшении степени общественной опасности его личности, произошедшем уже после совершения преступления².

Если в ч. 6 ст. 15 УК РФ речь идет об изменении степени общественной опасности преступления, а чч. 1—5 ст. 15 УК РФ определяют категории именно преступлений, то следовательно, по мысли законодателя, изменить данную степень могут те обстоятельства, которые проявились в преступлении, но не характеризуют личность виновного в постпреступный период. Таким образом, обстоятельства, влияющие на изменение категории, совпадают с частью исключительных обстоятельств (группа «а»), позволяющих назначить наказание более мягкое, чем санкция за совершенное преступление. Это закономерно ставит перед судами вопрос: как определить, в каких случаях при наличии исключительных обстоятельств, связанных с совершенным преступлением, необходимо изменить категорию совершенного преступления, а в каких случаях — назначить наказание по правилам ст. 64 УК РФ? Как ранжировать эти обстоятельства (одной природы и одной групповой (ви-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сухаревой Татьяны Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьями 14 и 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 октября 2024 г. № 2948-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision795972.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

² Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 56-УД25-5-А5 от 27 марта 2025 г. было изменено апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 октября 2024 г. и, по сути, оставлен в силе приговор Приморского краевого суда от 11 июля 2024 г., которым Р. С. Леу был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением ему наказания с применением ст. 64, 73 УК РФ в виде 7 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 5 лет. Исключительным суд признал также (в числе прочего) появление у Леу после совершения преступления тяжелого неизлечимого заболевания, потребовавшего установления инвалидности I группы — в частности, у осужденного были ампутированы нижние конечности, что привело к значительному ограничению его жизнедеятельности и требует постоянного медицинского сопровождения, постоянного приема медикаментов. Остановка же или прерывание лечения может привести к возобновлению воспалительных процессов и потере верхних конечностей с летальным исходом (см.: URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2451918 (дата обращения: 30.04.2025)).

довой) принадлежности) между собой? И если такая дифференциация все же возможна (например, разделение обстоятельств указанной группы на просто исключительные и обстоятельства особо исключительные), то как тогда определиться с тем, какая индивидуализирующая наказание преференция является более весомой — снижение категории преступления или назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление?

Ответы на поставленные вопросы в законе отсутствуют, равно как и нет ответов на эти вопросы в специально изданном для целей правильного понимания и применения ч. 6 ст. 15 УК РФ постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10. В абзаце втором п. 8 упомянутого постановления лишь констатировано, что «применение судом статьи 64 УК РФ само по себе не препятствует изменению категории преступления в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ, указанные нормы применяются самостоятельно, поскольку законом предусмотрены различные для этого основания». Однако в чем различность оснований применения ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ, Пленум не объясняет. На наш взгляд, разница оснований заключается лишь в том, что круг исключительных обстоятельств, упомянутых в ст. 64 УК РФ, шире тех обстоятельств, которые позволяют снижать категорию преступления, но не более того.

Как указано в абзаце втором п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10, разрешая вопрос об изменении категории преступления, суд должен принять во внимание «способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности». Однако разве приведенные обстоятельства, подлежащие учету при решении вопроса об изменении категории преступления, не могут быть признаны исключительными для целей применения ст. 64 УК РФ? Конечно, могут и должны признаваться исключительными с учетом анализа и оценки конкретной преступной ситуации. Во всяком случае никаких препятствий для этого ст. 64 УК РФ не содержит: при определенных условиях и стадия, и способ совершения преступления, и роль подсудимого в преступлении, и вид его вины (например, косвенный неопределенный умысел либо небрежность), и степень

его вины, а тем более мотивы и цели совершения преступления и т. п., могут стать исключительными обстоятельствами, обуславливающими выход суда за пределы санкции статьи, устанавливающей ответственность за конкретное преступление. Отсюда общая формулировка о различности оснований применения ч. 6 ст. 15 и ст. 64 УК РФ в п. 8 постановления от 15 мая 2018 г. № 10 едва ли является правильной.

Примечательно, что еще советские ученые, разработавшие в конце 80-х гг. XX в. теоретическую модель Общей части Уголовного кодекса и впервые предложившие предусмотреть для суда право изменять законодательно установленную категорию совершенного преступления, основанием для такого изменения полагали исключительные обстоятельства дела, а само изменение категории преступления видели в качестве еще одного варианта чрезвычайного смягчения наказания, наряду с выходом за пределы санкции, установленной за данное преступление. Так, согласно ч. 2 ст. 18 «Категории преступлений» теоретической модели Общей части Уголовного кодекса, «Суд, учитывая исключительные обстоятельства дела, может на основании ст. 79 настоящего кодекса признать совершенное преступление на категорию ниже, чем указано в законе» [13, с. 51]. В свою очередь, ч. 1 ст. 79 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом» предусматривает: «Суд, учитывая исключительные обстоятельства дела, может смягчить категорию преступления (ч. 2 ст. 18 настоящего кодекса), а также назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, либо перейти к другому, более мягкому виду наказания с обязательным указанием мотивов принятого решения» [13, с. 171].

Думается, закономерно анализируемое средство индивидуализации уголовной ответственности за весь период своего существования в уголовном законодательстве России (около 14 лет) не нашло своего широкого применения в практической деятельности — судебная статистика красноречиво сигнализирует о том, что суды крайне неохотно применяют положения ч. 6 ст. 15 УК РФ при разрешении по первой инстанции уголовных дел. Так, согласно сводным общероссийским данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, суды нашли возможным изменить категорию преступления:

— в 2022 г. — в отношении 9 025 чел., или 1,5 % от всех осужденных в анализируемый период лиц (614 904 чел.);

— в 2023 г. — в отношении 11 580 чел., или 2 % от всех осужденных за этот период лиц (589 059 чел.);

— в 2024 г. — в отношении 10 567 чел., или 2 % от всех осужденных за этот период лиц (534 644 чел.)¹.

Практика опубликованных судебных постановлений, принятых проверочными судебными инстанциями при пересмотре уголовных дел по обращениям участников судебных разбирательств, скорее, пресекает (и небезосновательно) те робкие попытки судов первой инстанции изменить категорию совершенного преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. Как правило, критика изменения категории связана с тем, что суды первой инстанции или в самой общей форме приводят в приговоре обстоятельства, которые выступили основаниями изменения категории совершенного преступления без конкретизации данных, указывающих на очевидно пониженную степень общественной опасности содеянного, или же ссылаются в приговоре на те обстоятельства, которые сами по себе о пониженной степени общественной опасности содеянного не свидетельствуют (прежде всего, никак не характеризуют преступление в момент его совершения, поскольку не являются его признаками). Например, приговором Центрального райсуда г. Новокузнецка от 5 апреля 2024 г. ранее судимая Х. была осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 4,5 годам лишения свободы, которое в силу ст. 73 УК РФ постановлено считать условным; на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменена категория совершенного Х. преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. Фактическая сторона преступления выразилась в том, что, работая главным бухгалтером коммерческой организации, имея доступ к счетам предприятия, злоупотребляя служебным положением, Х. осуществила ряд переводов денежных средств на счета двух индивидуальных предпринимателей в отсутствие у получателей денежных средств каких-либо финансово-хозяйственных отношений с организацией-работодателем Х. Принимая решение об изменении категории преступления, суд сослался на мотив преступления, связанный с необходимостью возврата Х. крупной суммы долга, искреннее раскаяние Х., выразившееся в ее постпреступном поведении: полное признание вины, согласие с суммой причиненного преступлением ущерба, согласие на оглашение показаний не явившихся в судебное заседание свидетелей, частичное возме-

щение причиненного преступлением вреда и обещание продать имеющееся у нее имущество для полного возмещения ущерба.

Не составит труда заметить, что все приведенные судом обстоятельства (за исключением только мотива совершенного мошенничества) никакого отношения к совершенному Х. преступлению не имели, поэтому в принципе никак не могли влиять на измерение степени его общественной опасности и, соответственно, на изменение его категории, что и обусловило кассационную отмену вынесенных в отношении Х. судебных решений².

Однако и положительная судебная практика сигнализирует о весьма широкой трактовке судами оснований изменения категории совершенного преступления, которые часто сводятся к характеризующим личность преступника данным, не имеющим отношения к обстоятельствам совершенного преступления. В частности, основанием применения положений ч. 6 ст. 15, ст. 64 УК РФ в отношении К., осужденного приговором Калининградского гарнизонного военного суда от 8 июля 2021 г. по делу № 1-47/2021 по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, оставленного без изменения апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 26 августа 2021 г. № 22-35/2021 и кассационным определением Кассационного военного суда от 16 февраля 2022 г. № 77-76/2022, выступили явка с повинной, признание вины и раскаяние в содеянном, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, безупречное прошлое, привлечение к уголовной ответственности впервые, законопослушное посткриминальное поведение К. в совокупности с положительной характеристикой по службе, размером причиненного потерпевшему ущерба и мнением потерпевшего о смягчении наказания³.

² Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 ноября 2024 г. № 77-4372/2024.

³ Сходным образом поступил тот же суд первой инстанции, осуждая военнослужащего Р.Г. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ с применением при решении вопросов о назначении наказания положений ч. 6 ст. 15, ст. 64, 73 УК РФ. Основанием существенного смягчения наказания и изменения категории совершенного преступления явились следующие обстоятельства: Р.Г. к уголовной ответственности привлекается впервые, по службе характеризуется исключительно положительно, преступное деяние совершил из ложно понятых интересов службы, раскаялся в совершении преступления, публично извинился перед потерпевшим, принял меры к заглаживанию причиненного преступлением вреда, последствия для

¹ URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 30.04.2025).

Как видно из приведенного приговора, помимо ч. 6 ст. 15 УК РФ, судом при назначении наказания применялись и положения ст. 64 УК РФ. В то же время применение ч. 6 ст. 15 и ст. 64 УК РФ мотивировалось судом одними и теми же фактически данными (не имеющими, правда, никакого отношения к преступлению), что также образует устойчивую правоприменительную тенденцию¹ и, по нашему мнению, не является случайным.

Как представляется, проанализированная судебная практика весьма симптоматична и красноречиво сигнализирует о том, что, во-первых, у судов отсутствует четкое понимание тех ситуаций, когда требуется изменение категории совершенного преступления, а изданные Верховным Судом РФ руководящие разъяснения в виде постановления его Пленума от 15 мая 2018 г. № 10 никакой стабильности и ясности в сферу уголовного правосудия не привнесли. Во-вторых, несмотря на декларированную Верховным Судом РФ различность оснований изменения категории содеянного и назначения наказания по правилам ст. 64 УК РФ, в действительности суды этой разницы не видят. Не видит этой разницы и теория уголовного права. Практически все исследователи проблематики

«исключительных обстоятельств» как индивидуализирующего наказание средства отмечают, что «исключительные обстоятельства изменяют сущность типовой степени общественной опасности преступления и личность виновного» [12, с. 24], а «условием применения ст. 64 УК РФ является существенное уменьшение степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного по сравнению с типовой степенью общественной опасности, учтенной законодателем при определении санкции конкретного состава преступления» [14, с. 9]. А не в этом ли — изменении сущности типовой степени общественной опасности по сравнению с тем, как она определена в законе, — состоит и предназначение тех условий из ч. 6 ст. 15 УК РФ, которые, по мысли закона, изменяют категорию совершенного преступления?

Отсюда, по нашему мнению, ч. 6 ст. 15 УК РФ подлежит исключению из УК РФ как искусственное нормативное построение, фактически отторгнутое практикой. Вместе с тем должно быть учтено предложение видных советских и российских криминалистов рассматривать изменение категории преступления как один из вариантов смягчения наказания при его назначении по правилам ст. 64 УК РФ. Другое дело, что изменение категории не должно стать самостоятельным четвертым вариантом смягчения наказания в ч. 1 ст. 64 УК РФ. Как представляется, если типовую степень общественной опасности определяют типовые признаки преступления, то и влиять на изменение категории преступления может только та группа исключительных обстоятельств, которая характеризует преступление (но не постпреступное поведение личности!) и тем самым свидетельствует о его (преступлении) существенно пониженной индивидуальной степени общественной опасности, не укладывающейся в рамки типовой степени, определенной законодателем в виде типовых пределов санкции. Поскольку формальным измерителем конкретной степени общественной опасности содеянного является назначенное судом наказание, то и вопрос об изменении категории должен возникать только при применении судом таких вариантов смягчения наказания, указанных в ст. 64 УК РФ, как выход за нижний предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено этой статьей. Изменение категории при этом должно осуществляться не по воле суда, а «автоматически» — в случае, например, если суд назначит

здоровья потерпевшего от преступных действий Р.Г. не поступили (приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 15 ноября 2019 г. № 1-77/2019, оставленный без изменения апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 9 января 2020 г. № 22-2/2020 и кассационным определением Кассационного военного суда от 28 апреля 2020 г. № 77-47/2020).

¹ Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. № 11-О12-50 был изменен приговор по уголовному делу по обвинению З., которым З. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с назначением наказания с применением ст. 64 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 2,5 года. Изменяя приговор, суд кассационной инстанции нашел возможным изменить категорию совершенного преступления с особо тяжкого на тяжкое и пришел к выводу о возможности исправления З. без изоляции от общества. Свое решение о применении ч. 6 ст. 15, ст. 73 УК РФ коллегия мотивировала тем, что суд первой инстанции нашел возможным применить при назначении наказания ст. 64 УК РФ, но не в достаточной степени учел то, что З. преклонного возраста, вредные последствия от содеянного ею не наступили, она же инвалид 2-й группы, имеет серьезные соматические заболевания, положительно характеризуется по месту жительства. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/499688 (дата обращения: 30.04.2025).

наказание в виде лишения свободы, которое выходит за нижнюю границу той категории, к которой законом отнесено совершенное преступление (так, при санкции за содеянное, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от 15

до 20 лет, наказание будет назначено в виде 9 лет лишения свободы), либо же назначит иное основное более мягкое наказание, вообще не предусмотренное санкцией соответствующей статьи Особенной части.

1. Иванов Н. Г. Уголовный кодекс Российской Федерации как воплощение трансцендентности в союзе с ÜBERMENSCH (приглашение к открытому разговору) // Государство и право. 2022. № 3. С. 53—60.

2. Кадников Н. Г. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов общей части уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 59—61.

3. Кулева Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. 244 с.

4. Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11. С. 36—39.

5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.

6. Благов Е. В. Критерии общих начал назначения наказания как определенные обстоятельства // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 2 (32). С. 57—60.

7. Кругликов Л. Л. Общие начала назначения наказания (глава II) // Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания / С. А. Велиев [и др.]; отв. ред. В. Б. Малинин. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинин, 2008. С. 159—293.

8. Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 8—13.

9. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1993. 234 с.

10. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 164 с.

11. Николаева Т. А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 24 с.

1. Ivanov N. G. The Criminal Code of the Russian Federation as the embodiment of transcendence in alliance with ÜBERMENSCH (invitation to a frank discussion). State and Law, 53—60, 2022. (In Russ.).

2. Kadnikov N. G. Categorization of crimes depending on their seriousness as the basis to establish many institutions of the general part of criminal law. Criminal Law, 59—61, 2017. (In Russ.).

3. Kuleva L. O. Categorization of crimes as a means of differentiating responsibility in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yaroslavl; 2019: 244. (In Russ.).

4. Malkov V. P. The Court's right to change the category of a crime. Legality, 36—39, 2013. (In Russ.).

5. Kruglikov L. L., Vasilyevsky A. V. Differentiation of responsibility in criminal law. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2002: 300. (In Russ.).

6. Blagov Ye. V. Criteria for general principles of imposing punishment as specific circumstances. Journal of the Yaroslavl State University. Series "Humanities", 57—60, 2015. (In Russ.).

7. Kruglikov L. L. General principles of imposing punishment (Chapter II). In: Veliyev S. A. (et al.) Encyclopedia of criminal law. Vol. 9. Imposing punishment. Red. by V. B. Malinin. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2008: 159—293. (In Russ.).

8. Kruglikov L. L. Differentiation of criminal responsibility: relationship with related concepts. Legal Paradigm, 8—13, 2017. (In Russ.).

9. Kostareva T. A. Qualifying circumstances in criminal law (concept, legislative regulation, impact on differentiation of responsibility). Yaroslavl: Publishing house of Yaroslavl University; 1993: 234. (In Russ.).

10. Kruglikov L. L. Mitigating and aggravating circumstances in criminal law (Theoretical issues). Voronezh: Publishing house of Voronezh University; 1985: 164. (In Russ.).

11. Nikolayeva T. A. Imposing more lenient punishment than provided for the crime (theoretical and practical issues). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2005: 24. (In Russ.).

12. Мифтахов А. М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 30 с.

13. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: АН СССР, Ин-т государства и права, 1987. 278 с.

14. Кочкарев А. И. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 24 с.

12. Miftakhov A. M. Individualization of punishment when imposing it taking into account exclusive circumstances in Russian criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2012: 30. (In Russ.).

13. Criminal law: an experience of theoretical modeling. Red. by V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law; 1987: 278. (In Russ.).

14. Kochkarev A. I. Imposing more lenient punishment than provided for by law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Ryazan; 2005: 24. (In Russ.).

Рожнов Алексей Петрович,

доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
rozhnov@volsu.ru

Rozhnov Alexey Petrovich,

associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
rozhnov@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *